

За какие-то пару минут этот паршивец умудрился загнать его в тупик трижды подряд.

Наблюдая, как Цзинь Ао с превеликой мукой на лице пытается «осмыслить» свою роль в их любовном треугольнике, Хэби усомнился в собственном слухе.

И с этой ахинеей он вернулся после пяти лет за границей?

Бай Хэби знал, что у гетеросексуалов логика порой работает по весьма замысловатой траектории, но пять лет назад Цзинь Ао казался вполне рассудительным и основательным парнем. Во что он превратился?

Отвесив мысленную пощечину здравому смыслу, Хэби невольно поддался чужой безумной логике.

Если Цзинь Ао — это Айли, а Сы Циншунь — Пинжу...

То сам он, получается, превращается в отъявленного мерзавца Хуан Шисяня?

Губы Бай Хэби дернулись. Задетое тщеславие по поводу роста его ещё волновало, а вот к подобному бреду у него выработался стойкий иммунитет. Впрочем, возможно, он просто приспособился к закидонам Цзинь Ао. Человеческая адаптивность — штука удивительная.

Пока Хэби окончательно не вышел из себя и не выставил его за дверь, Цзинь Ао благоразумно напялил вещи Сы Циншуна. Рукава и штанины оказались коротковаты, но это было куда лучше одежды самого Хэби, в которую он попросту не влез бы.

Конечно, Цзинь Ао до дрожи хотелось надеть то, что пропиталось запахом Хэби, но своя шкура пока казалась дороже.

Он осторожно косился на молчаливого хозяина дома.

Брат Бай мрачнел с каждой секундой, уйдя в собственные мысли. Цзинь Ао почуял, что над его головой сгущаются тучи, и поспешил спасти положение:

— Брат Бай, не найдется зонта? Я из дома выскочил с пустыми руками.

Хэби, отвлекшись от тяжких дум, хмуро смерил его взглядом:

— Зачем тебе зонт?

— Сбегаю к себе за вещами. Как-то неловко ходить в одежде Сы Циншуна, — дипломатично

пояснил Цзинь Ао, решив больше не испытывать судьбу.

Одной дерзости за вечер вполне достаточно, если не хочется вылететь на улицу. К тому же донашивать вещи соперника было противно до тошноты — особенно когда этот соперник уступает тебе по всем статьям. Он ведь не настоящая Айли, чтобы зариться на чужое.

Тут до Бай Хэби дошло, что этот проходимец снова сбил его с мысли.

Они ведь теперь соседи! До соседней виллы идти минуты три, не больше. Зачем вообще нужно было рыться в гардеробе? Цзинь Ао вполне мог добраться до своего дома, подсвечивая дорогу телефоном, и спокойно забрать вещи из обесточенного коттеджа.

То есть над ним просто подшутили?

Едва эта догадка оформилась в голове, воздух вокруг Хэби, казалось, выморозило до ледяной крошки.

Цзинь Ао с ужасом заметил, что его попытка загладить вину произвела обратный эффект: лицо Братца Бая потемнело окончательно. Нарываться дальше было смертельно опасно.

— Брат Бай, я возьму зонт и бегом. Не провожай! Оставь запасной ключ, а я вернусь и сам запру дверь.

Он резво соскочил с кровати и, пока Хэби не опомнился, бочком прошмыгнул к выходу из гостевой спальни.

Глядя на эти воровские манёвры, Хэби устало потер переносицу:

— Погоди... Зонты на вешалке в прихожей.

— Понял! Спасибо, брат Бай!

Цзинь Ао с ловкостью заправского вора влез в свои кроссовки, выхватил с полки большой чёрный зонт и шмыгнул за порог.

Хэби замер в дверях, хмуро глядя, как высокая фигура Цзинь Ао растворяется в стене проливного дождя.

Вся сегодняшняя ночь отдавала каким-то сюрреализмом.

Впрочем, поразмыслив пару мгновений, он решил, что просто накручивает себя. Обычные

дурацкие шуточки гетеросексуалов, ничего более.

Постояв у порога еще минуту, Хэби оставил замок незапертым и поднялся на второй этаж. Ждать возвращения Цзинь Ао он не собирался. Как бы он ни относился к нему — как к младшему брату, не более, — поджидать его среди ночи было бы по меньшей мере странно.

Вернувшись к себе, Хэби бросил взгляд на потемневший экран телефона. Часы показывали первый час ночи.

Умывшись ещё во время душа, он снял домашний халат, аккуратно сложил его на стул и вытащил из шкафа теплое одеяло взамен легкого летнего.

Ночью обещали похолодание. Хэби с детства плохо переносил холод и чувствительно реагировал на любые изменения погоды задолго до того, как их замечали окружающие.

Привычки спать полуголым, как Цзинь Ао, он не имел, поэтому остался в пижаме с длинным рукавом и мягких штанах. Спрятавшись с головой под одеяло, пахнущее свежестью и лавандовым кондиционером, Бай Хэби позволил себе провалиться в беспросветный сон.

Возможно, сказались дневные переживания, а может, глубоко внутри он был далеко не так равнодушен к происходящему, как пытался казаться.

В эту ночь ему снилось прошлое. Их общее прошлое с Сы Циншунем.

Брак Бай Хэби и Сы Циншуня строился на строгом расчете и равном положении семей.

Старшие поколения семей Бай и Сы дружили домами: предки происходили из одних мест и вместе начинали бизнес, что сплотило их на долгие годы. Однако к тому моменту, когда у руля встал отец Хэби, Бай Юанькай, от бывшей теплоты почти ничего не осталось. Связи поддерживались, но носили исключительно деловой и формальный характер. Виной тому была искренняя неприязнь между наследниками обоих кланов.

По словам Юанькай, с отцом Сы Циншуня, Сы Шаном, они не ладили еще с детского сада.

Бай Юанькай духа не переносил Сы Шана. Как он любил повторять: «У этого прохвоста с младенчества тысяча умишек на уме, девчонки от него млеют, а сам он до того скользкий и расчетливый, что дурно становится». Повзрослев, Сы Шан ничуть не изменился: пустился во все тяжкие, меняя любовниц как перчатки. Юанькай, человек строгого уклада, терпеть не мог подобного ветрогонства. Их общение ограничивалось скупыми кивками при встрече — да и то лишь из уважения к памяти отцов.

Хэби прекрасно знал характер родителя. Тот во всем требовал неукоснительного соблюдения правил: если выражаться мягко — человек долга и кристальной честности, а если прямо — педант и упрямец. Что же до дяди Сы Шана, о нем в обществе ходили легенды как о человеке с жесткой хваткой и искушенном интригане.

Впрочем, чаще всего смаковали его любовные похождения.

Поговаривали, будто в молодости Сы Шан увяз в скандальном любовном треугольнике. Пережив вереницу громких романов, он в конце концов взял в жены нынешнюю госпожу Сы, которая и родила ему наследника — Циншуня.

Слухи вполне перекликались с отцовскими характеристиками.

Из-за вражды отцов отношения двух семей оставались прохладными. О старинной дружбе вспоминали разве что на Новый год по лунному календарю: Бай Хэби с родителями наносил формальный визит в дом Сы, где обменивался скучными фразами со своим ровесником, Циншунем.

Хэби родился на полгода позже Циншуня. В детстве они почти не пересекались.

Лишь в средней школе, оказавшись в одном классе, мальчики сошлись чуть ближе и стали общаться как обычные приятели.

Особой теплоты между ними не возникло, хотя и чужими они больше не были.

Обычные знакомые — не более.

Пять лет назад, когда Хэби достиг брачного возраста, но даже не помышлял о свадьбе или хоть каких-то отношениях, его родители не на шутку забеспокоились.

Супруги Бай к тому моменту уже знали, что сына привлекают мужчины. Наведя справки о специфике таких союзов, они вознамерились лично подобрать ему достойную пару — лишь бы уберечь свое чадо от пройдох и дурного влияния.

Самому Хэби, ни разу в жизни не влюблявшемуся, эта затея казалась абсолютно бессмысленной.

Какой смысл связывать себя узами, если рядом нет того самого человека?

Ни в отрочестве, ни в юности он не встречал никого, кто зажег бы в его душе хоть искру страсти. Ни тайных влюбленностей, ни робких симпатий — полный штиль.

О собственных предпочтениях он узнал случайно, когда одноклассники крутили эротические кассеты: девочки на экране оставляли его абсолютно равнодушным, а вот юноши привлекали внимание. Порывшись в медицинской литературе и убедившись, что это абсолютно нормальное явление, Хэби принял себя без терзаний и метаний. Родителям он открылся лишь на третьем курсе университета, когда твердо встал на ноги и доказал свою финансовую независимость.

В его понимании главное — встретить родную душу. А пока такой человек не появился, можно и подождать.

Бай Хэби относился к этому философски: суэта здесь ни к чему, у каждого своя судьба.

А вот Сы Циншунь влюбился в него с первого взгляда — еще в средней школе.

И это чувство вылилось в долгие, бесконечные годы безответной тоски.

Он рано совершил каминг-аут перед семьей, но так и не открыл отцу имя своего избранника.

Поначалу Сы Шан отмахнулся: сам в молодые годы не брезговал интрижками с юношами и посчитал увлечение сына обычной блажью. В конце концов, продолжение рода никто не отменял, женится на женщине, как миленький.

Однако узнав, что сын зарится на наследника дома Бай, Сы Шан вознамерился жестко пресечь эту дурь: во-первых, его бесил «позорный» выбор сына, во-вторых, связаться с кланом Бай означало нажить кучу проблем. Он даже запер Циншуня под домашний арест. Но тут до Сы Шана дошли слухи, что Бай Хэби — тоже по мужчинам, и его расчётливый ум тут же перестроил комбинацию.

Старый лис прекрасно знал характер отпрыска: если ломать его через колено, тот пойдет на конфликт, и семейным узам придет конец. Сын у него один, и когда Циншунь встанет у руля компании, он вполне может припомнить отцу старые обиды. К тому же Хэби — единственный и горячо любимый сын супругов Бай, их бесспорный преемник. В бизнесе Байши стремительно набирала силу, грозя потеснить семью Сы, а их интересы тесно переплетались. В условиях, когда однополые браки получили законный статус, династический союз сулил небывалую выгоду!

Так зачем изображать из себя тирана, если можно сыграть на чувствах сына и извлечь куш?

Сы Шан спрятал брезгливость, надел маску «понимающего, хоть и озадаченного» родителя и благодушно разрешил Циншуню действовать. Впрочем, поставил условие: у того есть лишь одна попытка. Если Хэби ответит отказом, Циншунь безропотно подчинится воле отца и пойдет по предначертанному пути.

Юный и пылкий Циншунь даже не подозревал о циничных раскидках отца. Даже чувствуя

подвох, он принял эти условия с радостью.

Он чах по Хэби уже четыре года.

Он готов был всю жизнь хранить эту тайну и безропотно пойти под венец по указке отца, лишь бы не раскрыться.

Циншунь знал: Хэби не прощает фальши. Он панически боялся признаться, опасаясь потерять даже ту скупую дружбу, что между ними была. Потому и менял пассий как перчатки, устраивая комедии с «порханием по сердцам», чтобы заглушить тоску и отвести подозрения.

Родители Хэби видели в своем сыне чистого, неискушенного юношу и страшились, что его кто-то ранит. А в это время Сы Шан цинично двигал своего «распутного» сына, словно фигуру на доске, рассчитывая накрыть всю империю Бай.

На одном из светских раутов Сы Шан «совершенно случайно» проговорился чете Бай о том, что его сын — тоже по мужчинам. Сыграв на родительской солидарности и сыграв на чужих страхах, он ювелирно направил разговор в нужное русло.

Вскоре обе стороны условились о встрече, где пообещали быть вместе с сыновьями. Попросту говоря — устроить смотрины.

День устройства судьбы настал быстро.

Услышав о предстоящей встрече по телефону, Циншунь потерял дар речи.

Счастье свалилось на него как снег на голову.

Тот, о ком он грезил ночами, оказался таким же, как он?!

Он весь день прометался по кабинету, а ночью не сомкнул глаз.

В душе затеплилась безумная надежда. Раз Хэби свободен и предпочитает мужчин... вдруг у него есть хотя бы крошечный шанс?

Призрачная, едва различимая возможность завоевать любовь?

А что, если Хэби согласится хотя бы попробовать?

Цепляться нужно за любую соломинку!

Даже если ничего не выйдет, они просто поужинают как старые знакомые. Он ничего не теряет. В крайнем случае все вернется на круги своя.

Сы Циншунь до блеска вычистил свой лучший парадный костюм и, едва сдерживая дрожь, помчался на встречу.

Что касается Бай Хэби, то у него никакого желания идти не было.

Но родители поставили ультиматум, да и визави уже подъезжал. Не желая выглядеть невоспитанным, Хэби распорядился подать машину.

«Сочту это просто поводом завести новое знакомство», — решил он.

Он прибыл последним.

Войдя в отдельный кабинет и взглянув на того, с кем предстояло встретиться, Хэби обомлел: перед ним восседал Сы Циншунь.

Вот так сюрприз.

О чем только думали родители, сватая их друг другу?

Циншунь в безупречно скроенном черном смокинге источал обаяние, вальяжно беседуя со старшими, будто находился не на свидании, а на подписании миллиардного контракта.

«Ишь ты, вырядился, прямо сокол», — мысленно усмехнулся Хэби.

Сам Хэби выглядел куда более непринужденно: белая футболка, темно-серые джинсы и кеды.

На таком фоне его наряд казался едва ли не проявлением неуважения.

Он исподлобья оглядел Циншуня.

Тот, уловив этот насмешливый взгляд, воспользовался секундным замешательством родителей и послал ему кроткий, исполненный тоски взор: «Мы с тобой в одной лодке, брат, не суди строго».

«Надо же, и тебя прижали к ногтю», — хмыкнул про себя Хэби и подключился к общей пьесе

по заговариванию зубов родителям.

Ужин прошел на удивление живо и непринужденно. Старики не могли нарадоваться на сыновей, хотя Юанькай с Сы Шаном по привычке отпускали в адрес друг друга ядовитые шпильки.

Оттрапезничав, старшие поспешили откланяться, предоставив молодежи «пространство для общения».

Проигнорировав красноречивые намеки матери перед уходом, Хэби с интересом воззрился на Циншуня. Сегодня тот открылся для него с неожиданной стороны.

Невольно оказавшись соратником по неволе, Хэби заговорил первым:

— Надо же, сам блистательный президент Сы — и на принудительных смотринах! Неужто и тебя допекли?

— Что поделать, старшим лишь бы нас сосватать, — с горечью усмехнулся Циншунь. — Ты ведь тоже здесь.

— А ты? — Хэби подпер подбородок рукой. — Вокруг тебя вечно роятся поклонники и поклонницы, неужели не мог прикрыть тыл кем-нибудь из них?

— Нет, — Циншунь качнул головой. Выпрямив спину, он вперил в Хэби настолько пристальный взгляд, будто пытался выжечь его образ у себя на сетчатке. — Интрижка и брак — совершенно разные вещи. Романам нужна страсть: яркая, но мимолетная. Перегорела — и чувства испарились. Брак же держится на ответственности и глубокой, тихой привязанности. Я искал увлечений, но связывать себя узами не спешил. И уж точно ни в одной из своих прежних пассий я не видел спутника жизни.

От этого горячего, немигающего взора Хэби стало не по себе. Циншунь вещал с такой серьезностью, словно защищал диссертацию по теории чувств.

Подобравшись, Хэби нахмурился:

— И чем это отличается от размышлений конченного бабника? Разве нормальные отношения строятся не с прицелом на будущее? И вспышка страсти, и домашнее тепло прекрасно уживаются вместе, одно другому не помеха.

Хэби сдавленно хмыкнул, чувствуя, как пазл складывается воедино:

— Теперь понятно, почему ты меняешь партнеров как перчатки.

— У каждого свой взгляд на вещи. Я уважаю твоё мнение, но останусь при своём, — в глубине глаз Циншуня затеплился странный огонек. — Хотя, возможно, ты прав, и я действительно ничего не смыслю в любви. Но я отчаянно надеюсь встретить того, кто преподаст мне этот урок.

Молодой статный мужчина прочистил горло и поправил узел галстука. Было видно, с каким трудом ему даются следующие слова.

— Бай Хэби, ты, наверное, и не догадываешься... но я люблю тебя очень давно. — На его губах мелькнула печальная улыбка. — Я влюбился в тебя еще в средней школе.

Циншунь глубоко вдохнул, и голос его заметно дрогнул от страха потерпеть крах:

— Поначалу я сам не понимал, что со мной происходит. Но сколько бы романов у меня ни было, твой образ не покидал меня. В моменты триумфа и в минуты жестоких поражений я витал в облаках, представляя, что ты рядом... что мы делим эту радость и эту боль на двоих.

До Хэби внезапно дошло, к чему ведет этот разговор.

— Раньше я не осознавал, откуда во мне эта навязчивая тоска. И лишь недавно до меня дошло: я тону в тебе уже столько лет, что сам сбился со счета. Любовь это или безумие — я не знаю.

Циншунь подался вперед, глядя Хэби прямо в глаза:

— Я хочу, чтобы моим учителем стал именно ты, Бай Хэби.

— Ты мне нужен.

Бай Хэби оцепенел.

<http://bllate.org/book/20379/2108341>